

НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ КУЛИНАРОВ
АЗЕРБАЙДЖАНА

Н.И. Ковалев

БИЛЕТ В ДЕТСТВО

(Записки очень мудрого человека)

Баку – 2015

Книга одобрена Ученым Советом по Кулинарии
Азербайджанской Республики (№ 1, от 12.08.2015)

Книга обсуждена на Кулинарном Совете
Азербайджанской Республики (№ 2, от 12.08.2015)

Редактор и автор предисловия:

Амирасланов Тахир Идрис оглы
*Президент Национальной Ассоциации
Кулинаров Азербайджана*

Н.И.КОВАЛЕВ

БИЛЕТ В ДЕТСТВО

(Записки очень мудрого человека)

Баку, «НУРЛАР» Издательско-Полиграфический Центр, 2015, 88 стр.

© Н.И.КОВАЛЕВ, 2015

ОБ УЧИТЕЛЕ

Счастливы те люди у которых были Учители. У нас учитель – муаллим, уstad – наставник, на востоке Сенсей, Гуру и т.д.

Учитель – это человек который учит наставляет, направляет, воспитывает одновременно.

Мне в жизни очень повезло, я встретил своих учителей.

Вернувшись из армии домой я получил 480 рублей – большие деньги в то время, за рацпредложение внедренный в Танке Т-62.

За эти деньги я уехал в абсолютно незнакомый мне город Ленинград. И случайно поступил в Краснознаменный Ленинградский Институт Советской Торговли ЛИСТ – им. Фридриха Энгельса, на факультет Организация и Технология Общественно Питания. Институт был гуманитарным, все учились 4 года. А наш факультет технический – факультет инженеров-технологов – ФИТ в котором мы учились 5 лет.

Это было в 1979 году. Я с гордостью сообщил родителям, что поступил в ВУЗ, правда толком не смог объяснить, что за профессию я выбрал. Я учился на очном.

В потоке было 200 человек, 8 групп по 25 студентов. После принятия клятвы студентов нас распределил по группам. Моя группа было 491 и меня избрали старостой, я после школы ушел подрабатывать рабочим, отслужил 2 года, в армии закончил вечернюю одногодичную партийную школу и был награжден государственной наградой ГДР "Дружба - Фройндшафт" за укрепле-

ние дружбы между немецкой и советской молодежью и был старше почти 4 года остальных студентов.

В остальном другие студенты были более продвинутые. В отличие от меня разбирались в искусстве, музыке, моде и т.д. Я же деревенский парень, деревенская школа, работа, армия, ВУЗ.

Я все это рассказываю для того что бы показать, что дали мне мои Учителя.

1. Они меня учили. Давали знания, научили как находить необходимую информацию и как ее применить.

2. Научили любить и наслаждаться, играть с наукой.

3. Дали профессию и научили любить и наслаждаться работой.

4. Они меня искренно любили, уважали, оберегали и помогли во всем.

5. Они меня воспитывали с каждым днем я становился лучше и лучше.

6. Они преподавали мне Человечность.

С годами я понял одно, не смотря на учение Макаренко, Ушакова и др. по педагогике мои Учителя воспитывали не только студента знающего, но и выходя за постулаты и рамки тогдашней и сегодняшней системы обучения, они готовили еще и студента умеющего. Знания которых не научен применять – это мертвые знания.

На I курсе нам определили куратора, нашей 491 группе очень повезло, нашим куратором стала Дедух Нина Николаевна, тогда она была кандидатом технических наук. Прекрасная женщина, ученая. За все 5 лет учебы она была как бы родительницей всей нашей группы.

Блюстительницей порядка была Дина Васильевна – руководитель воспитательного кабинета, строгая, но справедливая.

На I курсе мы проходили еще общеобразовательные предметы. Высшую математику, физику, химию, черчение, сопротивление материалов и т.д.

Физику преподавали величайшие физики Покровский и Маслов. Маслов опровергал самого Эйнштейна. Нас учили опровергать авторитетов, спорить с догмами. Учителя учили нас мыслить вместе с ними, самим делать выводы, желательные не совпадающие с мыслями учителей и обосновывать их. Я попал в атмосферу творчества. У нас даже девушки не общались с некоторыми парнями, потому, что они не интересные, не хорошо учатся. Например, преподавал нам неорганическую химию Студенческий основоположник химии о пищевых красителях. С виду щупленький мужик. Стоило выйти ему к доске для лекции, он светился мы, еле успевали писать за ним длинные формулы размерами в большую доску. Мы с увлечением выписывали всю формулу в лекционную тетрадь. А он вдруг остановится и вытирает половину формулы с возгласом "А это неправильно". А ведь на зачете и на экзамене нужно было ему показать незаморенную, чистую тетрадь с лекцией. И так он заставлял нас думать вместе с ним и исправлять его ошибки, а не следовать за ним как автомат.

И порой не находя или уронив тряпку вытирал он доску рукавами. После лекции его руки, рукава, пол пиджака всегда были перепачканы мелом.

И мы любили его. Наши девочки влюблялись в него.

И так мы на I курсе. Мы еще ничего не проходим по профессии, это начнется гораздо позже. Но нас вовлекают работать в СНО – студенческое научное общество. Я взял тему "Чай в Азербайджанской кухне" руководи-

телем работы была наш куратор Дедух Нина Николаевна. Работа эта захватила меня. Я начал пропадать в библиотеках, научился наслаждаться работой, находками. А Нина Николаевна меня хвалила, сказала, что работа получается очень интересная, неплохо бы показать Жанне Исааковне Аврамовой зам. зав. кафедрой технологии, доктору медицинской наук. Но разве к Жанне Исааковне подойдешь, она была постоянно очень загружена - научные работы, экспериментальные и хозяйственные работы в лаборатории, аспиранты, книги и т.д. Она была из ведущих ученых Советского Союза. Очень робко я подошел к ней, чтобы поговорить о своей работе. Она спросила название работы и узнала что я первокурсник. И она извинилась, что у нее нет времени.

Прошло несколько времени и подошла пора докладов по студенческим научным работам. Все это было очень серьезно. Даже серьезнее чем сегодняшние научные конференции. Все разошлись по секциям. Председателем нашей секции по технологии оказалась Жанна Исааковна. Я очень волновался, но рядом была Нина Николаевна и ее одобрительный взгляд. И я начал. После выступления всех пригласил на практическую часть. Впервые тогда была разработана рецептура чая с добавлением чабреца, гарачоракоту и др. на основе Азербайджанской кухни. По сути эта работа и подтолкнула меня на изучение Азербайджанской кухни. До сих пор храню листок с дегустационными отзывами.

При подведении итогов научных работ вдруг Жанна Исааковна берет слово и говорит: "Я при всех преподавателях, аспирантах и студентах хочу попросить извинения у студента Амирасланова Тахира".

Я растерялся, происходило что то непонятное для меня.

А она продолжила: "Тахир подошел ко мне за советом. Но я подумала что на I курсе студент еще ничего не знает о предмете и не уделила ему внимания. Я сегодня вижу, что я ошиблась. И прошу его заходить ко мне и работать со мной запросто. Он сделал настоящую научную работу. "Поздравляю". Я не мог поверить и понять, она же старше меня и по возрасту, и по знаниям, и по статусу и т.д. И я в принципе не был обижен на нее. Перед мной стояла одна из величайших ученых и извинялась перед студентом первокурсником.

Она этим еще раз подчеркнула свое величие. Дальше я с ней общался с удовольствием и у нее дома и в хозяйственных работах (дополнительно 35 рублей в месяц были по тем временам большие деньги для студента). Организовала она для меня двухразовое усиленное бесплатное питания и т.д. Потом она преподавала нам физиологию питания, диетологию и т.д. Работа моя победила на факультете, в институте, в межвузовском конкурсе студенческих наук и получила II место в Союзе.

Вот так нас учили и воспитывали. Тогда по всему Союзу учили студентов стандартизации, физиологии, товароведению, технологии оборудованию, экономике, охране труда, холодильной технике и другим аспектам общественного питания по книгам моих преподавателей. Мне повезло я поступил в ЛИСТ когда все светила науки по общественному питанию собрались в ЛИСТе.

Они сделали так что, учеба стала наслаждением. И так мы подошли ко второй половине III курса и вдруг радостное волнение, нас поздравляют, что к нам возвращается сам Николай Иванович Ковалев. Мы слышали о нем от

своих учителей, были знакомы с его книгами. Кафедрой технологии тогда руководил доктор тех. наук Степнин ученик Николая Ивановича, да и остальные на кафедре его ученики. Все восхищаются все радуются.

И Степнин подает заявления о том что он оставляет пост заведующего кафедрой в пользу своего учителя Николая Ивановича Ковалева.

Эти люди учили нас.

И так Николай Иванович Ковалев. Полный мужчина в возрасте. К тому же кандидат наук. Он защитил докторскую в 82 года, хотя вырастил много докторов наук и кандидатов. Когда спрашивали почему не защищает докторскую говорил, что есть гораздо важные дела. Относился к званиям, наградам как к не важным вещам. Для него важна была сама наука, его ученики. Был непревзойденным авторитетом в кулинарной науке. За глаза его называли некоронованным королем. Одну и ту же лекцию каждый раз читал по другому. Когда были лекции студенты бежали с других уроков, аспиранты оставляли работу, свободные преподаватели все приходили его слушать. Поговорить 5-10 минут с Николаем Ивановичем было почетно и счастьем. А мне выпала честь быть рядом с ним, бывать у него дома, есть щи которые готовил сам Учитель и пить фруктовые настойки которыми угощала меня его жена Аннушка – как он ее называл, а иногда на ночь оставаться на аспирантском диване. Такое не каждый может заслужить, была поговорка "Тот кто не учиться на отлично не сможет попробовать щей приготовленных Николаем Ивановичем в Пушкине". Он жил за городом в Пушкине. Очень любил самого Пушкина. Любую поему с любой строчки мог начинать читать наизусть. В его устах очень естественно звучало «наш Саша» – насчет Пушкина.

И сам он походу сочинял стихи и басни.

В то время в СССР было 3 кулинарные школы.

1. Школа Ковалева ЛИСТ базировался в основном на исторических традиционных кухнях с применением современного научного аппарата химии, физики, физиологии, этнографии, философии.

2. Школа Баранова. В Москве Институт Народного Хозяйства им. Плеханова (Москва) в основном базировался в основном на химических аспектах.

3. Школа Беляева – Украинский Институт Общественного Питания (Харьков). Базировался в основном на оборудовании общественного питания.

К сожалению я лично не встречался и не общался с Барановым, но знаю выращенных им величайших ученых и специалистов, и знаком с их работами. Жаль, что в России эта школа разрушается.

Мне повезло, что я успел встретиться и подружиться с Беляевым. Жаль, что этот блестящий ученый покинул наш мир в рассвете своих сил. Дружу я и с его учениками, светилами которые сумели сберечь, сохранить и преумножить наследие своего учителя.

Сохранили и наследие Николая Ивановича в родном ВУЗе - заведующая кафедрой, моя учительница, одна из светлейших ученых добрейшая и красивая женщина, которую я и моя дочь очень любим Куткина Маргарита Николаевна, о которой моя дочь сказала у такого человека не возможно плохо учиться. Она является хранительницей этой школы.

Ежегодно в Институте проходят научные конференции "Ковалевское чтение". Все эти 3 школы вырастили плеяду ярких кадров для общественного питания.

Но я хочу рассказать о своем Учителе.

Помню его наставление всем нам "Детки мои, запомните одно, те из Вас кто будут работать и жить ради квартиры, машины, роскоши и денег потеряют все и себя тоже, у тех же кто будут думать о профессии и самосовершенствоваться все это: дом, машина, роскошь, деньги появятся само по себе".

Все так и оказалось.

В своем 85 летию Патриарх Кулинарной Науки Николай Иванович Ковалев вдруг говорит: "Знаете дети мои я ноль". Все замерли, как же он говорит о себе такое. Он продолжил: "Вы же мои цифры. Когда Вы со мной, рядом, когда Вы есть я приобретаю огромное значение. От Вас зависит какое значения я приобрету".

Такое мог сказать только Он - наш Учитель.

Я был из тех кто создал Ассоциацию Кулинаров СССР, входил в правление, возглавлял отдел пропаганды. После развала Советского Союза эта организация трансформировалась в Межрегиональную Ассоциацию Кулинаров России. В МАК с 1993 года я был избран вице президентом этой организации. МАК возглавляла одна из величайших женщин, основной организатор АК СССР и МАК, ученая, талантливый управляющий, редактор журнала "Питания и общество" Наталья Ивановна Номофилова. Я горжусь дружбой этой замечательной, мудрой и красивой женщины. И под патронажем Ассоциации Кулинаров СССР в Подмосковье проходила встреча около зоо специалистов и ученых кулинаров. Никогда не забуду высшую похвалу - награду из уст Натальи Ивановны. Представляя меня она произнесла: "Тахир Амирасланов, это наш Ковалев в Азербайджане".

1989 год. Очень сложное время. В Азербайджане была очень тяжелая ситуация. В 1988 году из Армянской ССР насильно выгнали более 200 тысяч Азербайджанцев и после армяне начали войну в Карабахе. В это время в журнале "Питание и общество" вышла статья "Армянское кухня", автор- Соловьева. Тогда я работал в городе Гяндже (Кировабаде) директором хозрасчетного куста общепита, руководил 23-я предприятиями и одновременно преподавал в Азербайджанском Технологическом Институте.

В статье всю азербайджанскую кухню автор преподносил как армянскую. Журнал "Питание и общество", тогда "Общественное питание" был единственным профессиональным журналом в СССР и распространялся миллионным тиражом только по подписке. Я сделал научный анализ статьи и отправил в адрес журнала в Москву. Через некоторое время журнал ответил мне, что Ваше письмо обсуждалось в редколлегии, печатать мы это письмо не можем, но заказываем Вам статью по Азербайджанский кухне. И автор статьи ссылается на книги доктора наук В.В. Похлебкина. В редколлегию входили зам Министра Торговли СССР, руководили Институтом Питания Минздрава СССР и многие авторитетные и властные люди и ученые.

Тогда я потребовал от редакции напечатать мой ответ В.В. Похлебкину и полетел в Ленинград посоветоваться с Учителем. Встретился с ним в его доме в Пушкине. Рассказал все и показал материалы. Он сказал, что полемическая статья написана научно обоснованно и блестящее, но его не будут печатать, а Похлебкин проходимец и на счет русской и др. национальных кухонь у него много

ошибок и посоветовал свои материалы напечатать в журнале в виде исследований про Азербайджанской кухню, что я и сделал. Хотя ответ на книгу В.В. Похлебкина позже был обсужден 38 членами правления АК СССР и позже было напечатано в журнале "Питание и общество" (1993г №3, №4). В.В. Похлебкин предпочел не отвечать.

1996 году я выступил на конкурсе кулинаров в Израиле с новой "Информативной теорией питания" объединяющей предыдущие физиологические и молекулярные теории питания. После возвращения из Израиля я полетел в свой родной ВУЗ и осмелился выступить перед своими Учителями. Наверное в своей жизни я никогда не чувствовал себя так взволнованно. Передо мной сидели студенты, аспиранты и мои Учителя. Я опять чувствовал себя как на экзамене. Мнение моих Учителей было для меня важнее чем мнение всех научных кругов мира. Их одобрительные и любящие взгляды облегчили мою задачу. Перед собой я увидел родных, близких мне людей.

Мои Учителя одобрили мою работу. Они опять меня похвалили. Позже уже в узком кругу, Учитель Николай Иванович обнял меня и сказал: "Тахир пошел дальше меня. Молодец". Я и тогда понимал что, это аванс для дальнейшей работы. Но такая похвала из уст самого Кавалева!!! Наверное нет высшей награды чем такая похвала, одобрения из уст Учителя.

В дальнейшем эта теория стала частью моей научной диссертации, экспериментальное подтверждение она нашла в 2008 году в Российской Академии Экономики им Плеханова в Москве. Ученые смогли измерить количество информации передающееся с пищей.

Потом мы опять у него дома в Пушкине, он дал мне свою книжку "Пасхальная кухня" и сказал "Среди аспирантов и ученых моих только от тебя я жду и надеюсь увидеть очень нужную людям книгу Ислам и питание. Такие книги есть, но только ты можешь сделать это как нужно". Свои наставления он написал в качестве автографа на своей книжке отдавая ее мне.

Я вернулся и начал снова читать и перечитывать Коран, Библию, Евангелия, Тору и др. источники. Так появились мои работы "Коран и новая информативная теория питания", "Трактат о Материнском Молоке".

К моему сожалению и стыду пока книгу я не сделал. Слишком ответственная и серьезная работа, надеюсь, что успею ее сделать.

Но Учитель с этим подтолкнул меня к вере.

Последняя наша встреча состоялось на его 90 летию. Я лично рассказывал про него и своим студентам и дочке. Дочка тоже захотела увидеть Великого Ковалева. Мы поехали вдвоем. Встреча было опять необычным, возвышенным. Встретил он меня и мою дочку своими стихами и баснями. Хотя уже ходил с трудом и плохо слышал. Но ум был просветленным и глаза горели по прежнему. Жена Аннушка тоже ходила с трудом. Я перенес ее на руках. Она пошутила: "Николай видишь какие мужчины носят меня на руках". Я опять был у себя дома.

Через 2 года Учитель физически перестал быть с нами.

А Аннушка доверила мне его мемуары, которые я попечатаю сейчас для Вас.

Почитайте если Вы... Если бы Вы почитали!!!

Тахир Амирасланов – ученик.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАПИСИ

Это история записана рукой моей мамы на обороте моей метрики.

Первенца своего родители назвали Андреем в честь князя Болконского, героя "Войны и мира". Меня же хотели назвать Николаем в честь Николая Ростова. Однако, родился я 16 мая (по старому стилю), т.е. после дня Николая Весеннего,

Батюшка отказался крестить: имя надо давать по имени святого, которого церковь чествует в день Рождения или в ближайшие после этого дни. После долгих уговоров и сытного обеда сошлись на том, что крещен я буду в память перенесения мощей Святителя из города Бар Мирликийского, т. е. в честь Николая Зимнего.

Вот так давали имена. Имя не кличка. Оно определяет судьбу человека. Это понимали даже язычники. Вот что писал об этом великий старец Гомер:

Нет меж живущих людей, да не может
и быть, безымянных;
В первый же миг по рождении каждый,
Убогий и знатный,
Имя, как сладостный дар, от родимых
Своих получает...

К сожалению, были годы, когда о святости имени забыли. Есть среди моих знакомых Атом Николаевич (мой сослуживец), Индустрия Петровна и им подобные.

Не имена, а клички собачьи!

История моих бабушек

Бабушка Ковалева была добрая, но молчаливая, внешне суровая. Она все половички из тряпок вязала. Домотканые, строгого рисунка, темных тонов.

Бабушка Козина – веселая, разговорчивая, любила пошутить и посмеяться. Она шила лоскутные одеяла из лоскутков, остававшихся от одежды. Подбирала лоскуты один к одному, чтобы красиво было. Смотрели на такие одеяла и вспоминали истории каждой тряпочки:

– Вот это лоскуток от платья, что Малаше шили, когда еще в Изобильном жили;

– А этот от Митиной рубахи, которую справили ему, когда он в школу пошел.

Сидит бабушка Елена у печки, одеяла шьет. Мы, дети, вокруг и слушаем ее рассказы.

Шли три угодника из Рая: Никола, Касьян и Демьян. Ризы на них белые, серебром шитые, только что от Бога за святость полученные. Идут они и Бога славят. Видят – на дороге у мужика телега в грязи застряла. Просит мужик: "Помогите!" Касьян и Демьян подумали – нельзя святые ризы в грязи пачкать, грех, - и пошли дальше. Николай же рукава засучил, полы за пояс подоткнул и помог мужику. Ризу, правда, запачкал. Увидал это Бог, а он все видит, и говорит: "Тебя, Никола, буду два раза в году за доброе дело славить – весной и зимой, а вас, Касьян и Демьян, 29 февраля, только в год високосный, т. е. один раз в четыре год".

Так вот! Доброе дело не грех даже в Благовещение, когда птица гнезда не вьет, а девица косу плетет.

Если надо больному помочь, не грех и обедню пропустить. Бог простит!

Собака без имени

Жил Сеня на окраине. До нас час хода, и это если трусцой. Раз прибегает ни свет ни заря.

Всю ночь не спал. Вес думал – у моей или твоей собаки обрублен кончик хвоста. Пришел проверить.

– Мог бы дома посмотреть.

– Смотрел: моя с хвостом целым.

Имени его собака не имела. Масть у нее была немыслимая. Наш учитель Физики говорил, что в спектре такого цвета нет и в природе быть не может, такую собаку кто-то нарочно придумал. Бабушка говорила: "Это немцы, они и обезьяну выдумали русским на зло". Сеня очень гордился, говорил, что таких собак в мире: у него одна и вторая у принца Уэльского. Мы верили.

Была у нее страсть воровать чужих кур, только черных. Принесет курицу домой и ждет, хозяева добычу сварят и ей кости дадут. Сеня говорил:

"Мы с ней кормильцы, без нас плохо бы было".

Однажды наша ватага пошла за семь верст на станцию Паллагиада. Приходим, а на платформе сидит Сенина собака с черной курицей в зубах. Сеня сказала, что он ее еще вечером послал нас встречать. Мы верили. Да и как было не верить, посмотрев в умные и веселые со-

бачьи глаза. Мы были в возрасте, когда верят фантазерам и любят их.

Жаль, очень жаль, что со временем мы перестали "верить нашим снам и видеть в них несбывшиеся были", что дети наши стали скептиками, что перевелись Мюнхгаузены.

Девочки в классе

До седьмого класса учился я в мужской школе. Все, что касалось женщин, было для нас окутано тайной. Как-то приезжая дачница повесила во дворе для сушки бюстгальтер (слова этого мы, конечно, не знали). Возмутились соседи - "Бесстыжая, ведь могут дети и неженатые парни увидеть!"

Но вот по городу поползли тревожные и волнующие слухи – будет совместное обучение. За десяток груш старый садовник пустил нас в закрытое для ремонта школьное помещение. На туалете первого этажа появилась надпись - "Для мальчиков", на втором - "Для девочек". Смущенные, молчаливые шли мы домой.

В классе появились четыре девочки. Сидеть с ними вместе никто не решался, боясь насмешек и позора. Однако через месяц за права сидеть за одной партой с девочкой велась жестокая борьба.

С нашими одноклассницами мы были на "Вы" и сохранили эту привычку до сих пор. Величайшим счастьем было проводить девочку домой, неся ее сумку. Не знаю, хорошо ли, что наши подруги ходили на занятия по физкультуре в шароварах и блузках, что купались они и

мы на разных берегах пруда, что не знали слова «секс». Никто не занимался нашим "половым воспитанием". Часто и теперь я выключаю телевизор, но уверен, – если бы Джульетта, Лаура и Джоконда носили бы мини – юбки и колготки, их имена история бы не сохранила.

Мне кажется, что потеряли обе половины рода человеческого Сына Адама потеряли уважение к женщине, а Дочери Евы – половину своего обаяния.

О пользе и вреде химии

Не люблю круглых отличников. Нельзя все предметы любить. Я в школе увлекался астрономией, Олег Семенов математикой, Володя Скрипчинский химией. Мои с Олегом увлечения были мирные. Володя научился получать йодистый аммоний (так, кажется) – странная жидкость. Капнешь на бумагу, - когда высохнет, остаются кристаллы. Ползет муха, дотронется лапкой – трах! Взрыв – и мухи нет. Накапал он ее перед учительской. С французенкой был обморок. Началось следствие. Ему бы признать вину, а он возмутился: «Еще Ломоносов писал о пользе химии...»

Молчал бы, раз провинился. А так что – из школы на неделю исключили. Дома его мама позвала соседа выпороть Володю. Вот вам и польза химии.

Морозным зимним днем,
Нагадивши, корова завалила
Беднягу воробья.
Совсем беда.
Он проклевал в г.. окошко

И ну кричать!
Увидев это, кошка...
Пора кончать!

Если ты обгадился, - седи и молчи, а то с г... съедят.
Это я усвоил на всю жизнь.

Как я избавился от скверной привычки

Было мне, наверное, девять или десять лет, когда это случилось. Я начал писать плохие стихи. Писал везде: на стенах сортира, в тетрадях по алгебре, на обложках учебника и был за это не раз наказан. Даже поэму сочинял:

Тополя, как кисти, в краске выпачканные,
Лес, как на палитре смелые мазки,
Небо, как большое серое полотно... и т.. д.

Ерунда, конечно, но тополя у нас, правда, как кисти – пирамидальные. И вот послали меня на Съезд молодых рабочих - крестьянских дарований. Была тогда такая мода – всякие съезды устраивать: Красных доярок, Коммунистических строителей, Пролетарских сапожников и др. Сказали нам, что в президиуме «сами Есенин и Маяковский», Мы решили, что это главные комиссары. Читал я стихи, Которые начинались так:

Далекие призраки гор,
Вы мне стали, как девушка, близки,
Нежные синие дали,
Дороги, как родительский дом... и т. д.

Теперь я понимаю, как это скверно, но дали у нас, правда, синие. Вызвали меня за кулисы. Говоря – Есенин хочет со мной поговорить. Спрашивает, сколько мне лет. Я сказал, что четырнадцатый. Он засмеялся и говорит: «Врешь! Ты с девушкой уже спал?» Я: «Да что Вы, как это?» Есенин: «Что же пишешь о том, чего не знаешь? Вот и получается муть голубая. Ты пиши о школе, о друзьях».

Вот тогда я понял, что стыдно сочинять плохие стихи и избавился от этой скверной привычки. Счастье что рано встретился мне умный человек, а то, страшно подумать, кем бы я мог стать!

Лобода

От школы дали мне поручение помочь Конному агитационному пролетарскому отряду имени красного командира тов. Шпака. Им потребовался хотя бы один человек, умеющий читать и писать.

Командир изложил задачу: изобличить и раскулачить злейшего врага мировой революции и лично вождя мирового пролетариата В.И.Ленина. Звали эту контрреволюционную гидру Лобода.

Через три дня добрались до полевого стана Лободы где-то в приманыческих степях. Дома были одни женщины, да ползали ребятишки. Под открытым небом стояли длинные столы. К вечеру собрались сыновья и зятья старика Лободы. Всего человек тридцать. Сели ужинать. Пригласили и нас, но командир запретил. Позвал старика в хату:

- Что, контра, кровь с батраков сосеешь?
- Побойся Бога, все это моя семья!
- Овец сколько?
- Да пара десятков для пропитания.
- А вот мы посмотрим.

Весь следующий день метались бойцы по степи в поисках отар. Они были давно спрятаны в бескрайных камышах.

- Откуда же шерсть, что нынче продал?
- Так то старая.

Все хлопцы в один голос:

- Мы не батраки, мы братины. Отделяться не хотим.

Так и уехали мы ни с чем: наемного труда не овец нет. Однако вскоре старика все равно расстреляли, детей сослали, гнездо Лободы разорили.

Я все думаю, а вед это было настоящий крепкий колхоз! Что, если бы его оставили? Может, был прав Бенья Крик – зачем мы убили царя и прогнали господина Рябушинского? Оставили бы Лободу и, может, все бы пошло по-другому.

Курица не птица

У нас вместе с тетей Малышей было две коровы, три овцы, десять кроликов. Кур не считали. Да и сосчитать их было нельзя. Бродили они повсюду. Никаких границ не признавали. Неслись, где попало. Бабушки ходили по двору и саду и собирали яйца. Некоторые хозяйки пробовали метить своих кур цветными чернилами. Ничего из этой затеи не получилось.

После окончания школы послали меня проводить инвентаризацию сборов в пригородном, только что организованном колхозе. Вернее, только что согнанном под угрозой высылки. Я добросовестно записал всю живность. Коров и нетелей, волов и бугаев, лошадей, телят, жеребят. Считать кур мне и в голову не могло прийти. Вскоре колхоз стал поставлять в Заготконтору яйца. Начальство руками разводило – откуда яйца? Кур нет. Не председатель же их несет!

Так бы и остался колхозным счетоводом, да вышло постановление в связи со статьей Сталина «Головокружение от успехов».

Теперь принято все старое чернить, а ведь было и хорошее.

Нашли мышата дохлого кота.

Ну и пошла них возня.

Увидев это, дрозд сказал:

Немного чести –

Таскать за хвост умершего кота..

Это я теперь сочинил. Теперь можно все. Свобода!

Абитуриенты

Когда мы учились в восьмом классе, нашей школе придали новый «уклон» - счетно-колхозный. В расписании появились новые предметы: бухгалтерский учет, счетный план, делопроизводство, колхозное строительство, основы права и т.д. Мы щеголяли словечками, внушавшие соседским мальчишкам благоверное почтение: сальдо, баланс, сторон, авизо.

Делопроизводству нас учил бывший столоначальник канцелярии Городского Управления. Носил он темные очки и фуражку с кокардой. Звали мы его Камерыр, так как на первом уроке он поведал нам, что при императрице Елизавете была учреждена должность камерыра – начальника канцелярии. Однажды он предложил:

– Напишите заявление с просьбой отпустить вас гулять. Кто напишет правильно, пусть уходит.

Не отпустил никого. Мы все написали «Заявление от...» Камерыр был возмущен:

– Заявление может быть чье-то, а не от кого-то...

Как – то всему классу поставил «неуд» за то, что мы написали «В этой связи прошу...» Покраснев как рак, он кричал:

– Это подлец Вронский был в с Анной Карениной. Говорить и писать надо «В Связи с тем-то и тем-то...»

Вот бы наших депутатов Думы послать к камерыру!

Мы перешли в девятый класс и нас торжественно объявили абитуриентам, что в переводе означает «собравшиеся уходить». Так называли учеников выпускных классов. Не понимаю, как можно людей, приходящих в институт, называть собирающимися уходить.

На каникулы нас не отпустили. Началась практика, меня направили в Рейживотноводсоюз. Председатель его ходил в толстовке, как все ответственные работники в то время. Толстовка – это рубаша с четырьмя накладными карманами, обычно чем-то набитыми. Ездил он на «Беде», - так называли на юге тарангас на двух огромных колесах. Запрягали в «Беду» старую кобылу Машку, реквизированную у бывшего жандарма. Однажды Машка сдохла. Бухгалтер говорит:

-Вот тебе хорошая практика: составь акт о списании по всем правилам, учини подписи, какие положено, проведи по всем счетам.

Так и было сделано. Дня через три сидим в конторе, пьем чай. Смотрим, в ворота входит, еле передвигая ноги, Машка. Вся в грязи, навозе, соломе. Пришла с жиvodерни. Возникла сложная правовая ситуация. Кто-то предложил:

– Проведем красное сторон (так исправляют ошибки): ошибочно сдохшую кобылу. Машку считать живой.

Предложение не приняли. Прошло другое. Составили акт о том что родилась кобыла по кличке Машка. Председатель дал добро. Однако, через несколько дней Машка опять сдохла. Теперь уже совсем. Опять составили акт, опять провели операцию по всем счетам. Дело приняло серьезный оборот. Когда документы поступили в вышестоящие инстанции, там переполошились – начался падеж молодняка. Комиссии, проверки, переписка. Машку откопали. Освидетельствовали.

Говорят, что Председателю и бухгалтеру это операция обошлась в четверть самогона. В наши дни так легко они бы не отделались!

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о старой кобыле Машке. Это я рассказываю, чтобы вы думали, принимая решение, о всех последствиях. Если бы печальную Машку знали Хрущев, Горбачев и иже с ними, то может быть, не было бы трагических последствий пресловутых антиалкогольных, кукурузных и прочих кампаний.

В сентябре 1929 года получили мы удостоверения колхозных счетоводов, и детство кончилось.

Самый счастливый человек

Человек, ставший свидетелем чуда, обязан о нем рассказать. Среди всех живущих людей остался я один, знавший ее.

Бог дал ей музыкальный талант. Это – редкое счастье.

Ей выпало счастье учиться в консерватории у Николая Рубинштейна.

Могла она стать великой пианисткой, но предпочла славе служение людям и стала скромной учительницей музыки, найдя в этом свое счастье и свою судьбу. О ее даровании не мне судить. Пусть об этом скажут другие.

В 20-х годах в Ставрополе музыкант и композитор Бенеvский. Теперь мало кто помнит о нем, но в те годы слава его гремела по всей России. Был он автором музыки на слова:

Пенится Желтое море,
Бьется о берег крутой.
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской.
Чайки, миру всему передайте
Печальную весть:
Мы расстреляли «Корейца»,
Мы потопили «Варяг»...

За эту музыку он был удостоен высочайшей награды – золотой дирижерской палочки. Его авторитет в городе был непререкаем. Я видел, как он, после исполнения Верочкой Шохер «Лунной сонаты» - стал на колени и поцеловал ей руку.

Теперь мало кто помнит о писателе ставропольце Сургучеве. Что делать – слава недолговечна, а в те годы

его пьеса «Осенние скрипки» шла на сцене Художественного театра. Рассказывают, что, услышав, как Верочка поет частушки, он бросился целовать и обнимать е. Я до сих пор помню, как она пела у нас:

Самовар мой красной меди
Не боится верблюде.
Сколько раз я его целовала,
Он говорит: «не ощу-щала».
Сколько писем ему не писала,
Он говорит: «не-по-лу-чал».

Это ли не счастье – признание и любовь не чужих людей, а близких.

Однажды Ф.И. Шалапин, приехал в наш город с концертом, почему-то оказался без аккомпаниатора. Он был в отчаянии... Спасла его Верочка, блестяще аккомпанируя ему без всяких репетиций. Об этом случае Шаляпин рассказывает в своих воспоминаниях.

Величайшее счастье – любовь. Ее любили все, и она всех любила. Давно замечено, что кошки и дети каким-то чутьем узнают хороших людей. Кошки ходили за ней гурьбой, а дети обожествляли. Какое счастье – хранить в душе добро и щедро дарить его людям. Денег она не знала, да они ей были и не нужны: ей были рады в каждом доме. Всюду ее встречали как самого дорогого гостя. Если ей платили за урок музыки, она брала скудную лепту, не платили – не спрашивала. Это ли не счастье – не иметь забот о хлебе своем.

Это был маленький горбатый человек. Лицо ее покрывало множество черных родинок. И все же была не просто красива, а прекрасна. Огромные глаза, такие,

как у отрока Варфоломея на картине Нестерова, излучали какой-то божественный свет.

Так что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
Н.Заболоцкий
Она была счастлива!

У истоков радиосвязи

Россия – родина радио. Имя А.Попова знает каждый школьник. Шуховская радиобашня, им. Коминтерна так же привычны, как Кремлевская башня. Как-то слышал о Нижегородской радиолaborатории. Я же был свидетелем зарождения у нас в стране коротковолнового радиолюбительства, зарождения радиосвязи. Все начиналось с детекторных радиоприемников. Тонкой пружинкой научились радиолюбители находить активную точку в магическом кристалле свинцового блеска. Это были первые шаги.

Потом наступила эра коротковолновиков. Мой брат Андрей был одним из первых радиолюбителей в стране. Его передатчик имел позывные ЕИ6АО. Со всех соседних улиц сбежался народ, когда во дворе нашего дома на Ольгинской улице поднимали мы мачту антенны, первой во всем городе. Да и во всем крае был, кроме ЕИ6АО, еще один радиолюбитель-коротковолновик, некий Дил в Петровске. Вскоре ночью нас разбудили стук – обыск. Проверили разрешение на передатчик.

Радиостанцию опечатали до выяснения. Через 2-3 дня разрешили работать. Это повторилось несколько раз. Своему детскому увлечению брат остался верен всю жизнь. Оно стало его специальностью, его жизненным призванием.

В 1928 году, окончив 9 классов, приехал он в Ленинград. Тогда не было НИИ и лабораторий по радиосвязи. Вся работа велась кучкой энтузиастов-любителей, объединившихся в Общество друзей радио (ОДР). Помещалось оно в переулке Подбельского. В 1929 году пришел туда работать и я. Помню, что и Папанин пришел работать в ОДР.

– Братишки, очень-очень прошу. Постарайтесь, там без связи никак нельзя.

И братишки постаралась. Сделали портативную, легкую и надежную радиостанцию УПОК. Ни разу она не подвела Кренкеля. Приемную часть станции делал своими руками Андрей. Дальше – военно-коротковолновый отряд, созданный энтузиастами, фанатиками радиодела, братьями Гаухманами. Появились и радиоинженеры (Доброжанский и др.). Поняли власть предрешающие, какая сила попала в руки радиолюбителей. Их быстро прибрали к рукам, и появилась Особая радиолаборатория ОГПУ Ленинградского военного округа. С этого момента вся жизнь Андрея проходил под грифом «только для служебного пользования», «секретно», «сов. секретно».

Во время войны, как объект особой важности, ОРЛ на баржах эвакуируют в Свердловск. Затем Москва.

Лишь скудные строки в воспоминаниях Кренкеля и Папанина хранят память об этих энтузиастах. Лишь в

книге об истории партизанского движения упоминается радиостанция «Норд», в которую вложил свои мысли и идеи мой брат Андрей. Лишь из воспоминаний современников известно, что в организации спасения челюскинцев принимал участие Андрей Ковалев. Лишь в наших семейных альбомах можно найти фотографию Хрущева, Курчатова и моего брата на мостике крейсера во время перехода в Англию. Только работники правительственной охраны помнят, как глубокой ночью подполковник Ковалев чинил приемник Сталина. Иосиф Виссарионович стоял за спиной. По окончании работы сказал: «Молодец, свое дело знаешь. Как тебя зовут? Хорошо. Запомню, Андрюша!» Наверное, запомнил. Память у него хорошая. В списках работников связи, расстрелянных по приказу Берии, Ковалева не числилось.

ОГЛАШЕННЫЕ

В семье у нас все верили в Бога. Верю и я. Все уважали традиции. Уважаю и я. Но все мы были оглашенные. Теперь мало кто знает значение этого слова.

Если человек верил в Бога, но не полностью соблюдал предписания православной церкви, батюшка оглашал с амвона его имя.

Пришел человек с войны, где он невольно нарушал заповедь «не убей», – его имя оглашали с амвона и в Храм не пускали какой-то срок, определенный батюшкой.

Если человек не ходил на исповедь, не принимал причастия, он был оглашенный. Все мои близкие были немного оглашенные: часто нарушали строгие посты, пропускали церковные службы, хотя в Бога верили свято.

Я стал оглашенным из-за брюк о. Ионикия. Водила нас бабушка в церковь. Над воротами ее ограды был нарисован Илья-пророк на колеснице. Из ноздрей лошадей сверкали молнии. Нас, детей, это поражало. В Храме мне все нравилось: полумрак таинственный, поблескивают на образах оклады, горят свечи, мерцают лампы... Я стою на коленях возле бабушки. Священник в золотой ризе кажется мне небожителем. Вдруг, я замечаю, что из-под ризы видны полосатые штаны, совсем такие, как у лавочника на нашей улице. Это меня поразило, как гром среди ясного неба. Шепчу бабушке: «Смотри, у батюшки штаны!» Она тащит меня из храма, чтобы не нарушил службу.

Вера в Бога у меня сохранилась на всю жизнь, а вот отношение к его земным слугам изменилось, и стал я оглашенным.

Что делать, вера – дело интимное, сугубо личное.
Не для печати, не славы ради,
а лишь из чувства долга перед
многочисленными отпрысками
нашей семьи, разбросанными
по разным странам мира:
России, Грузии, Украине, США,
Болгарии, Югославии и другим
Краям.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОДНОЙ РУССКОЙ СЕМЬИ

Но каюсь: новый Холодковский,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Нам стали чужды.

А.С.Пушкин

Неожиданно в эти тяжелые дни у молодежи пробудился интерес к минувшей нашей славе, желание узнать, кем были наши деды, откуда пошел наш род и как жили наши предки. Им я и адресую эти пестрые записки, да ведают потомки православных родной земли минувшую судьбу.

Два чувства дивно близки нам -
В них обретает сердце пищу -
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С.Пушкин

Эти слова мы услышали впервые от нашего учителя Василия Александровича Кудрявцева. Он учил еще моего отца. Пушкина он любил страстно, всей душой, как могут любить только русские люди. Каждое слово поэта было для него свято. Только, когда он читал «Евгения Онегина» и доходили до слов:

С кувшином охтинка спешит...

Стыдливо замолкал, опускал глаза и еле слышно шептал: Ну, тут Александр Сергеевич немного подпустил, нескладуха у него...

Старый провинциальный учитель никогда в столице не был. Охты не видел. Знал он слово «приютянка» - так у нас называли девочку, живущую в приюте, и произносили «охтянка».

В семье нашей Пушкина тоже любили все, от мала до велика. Хотя понимали не все и не все. Бабушка ворчала: «Что Балда чертей гонял – это хорошо, а вот батюшку попом называл, это плохо, да и щелчки ему давать нельзя – особа духовная».

Мы же, дети, когда мама читала нам сказку о Сатане, додумали ее вопросами:

«Что последняя девица с первой ночи понесла, куда понесла, почему ночью. Наверное, краденое».

В наше время дети мало знали о супружеских отношениях.

Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем меня Господь поставил.

Многому довелось мне быть свидетелем. Я помню, как в город на белом коне въезжал генерал Шкуро, а за ним на быках с позолоченными рогами везли портрет государя. Видел, как катился через город Железный поток Кожуха. С мальчишками бегал смотреть, как захватившие город белые секли розгами адвоката Мойшу Минца, который при красных ходил с красным бан-

том... Смотрел в кинотеатре «Гранд – Электра сплендидпалас Солей» двадцати-серийную фильму (так тогда говорили) «Невеста солнца».

Пережил раскулачивание, коллективизацию, индустриализацию, ликвидировал безграмотность (слово такое было – Ликбез). Видел вооруженные отряды всех цветов: красные, белые, зеленые, черных антихристов... Помню те времена, когда буханка хлеба стоила 5 копеек, и когда 1.000000 рублей.

На моем веку были войны: немецкая гражданская, финская, Великая отечественная, афганская, чеченская; были голод, тиф, чума, да и беды еще пострашнее – 1937 год, Ленинградское дело, уничтожение всякого рода вредителей, оппозиционеров, троцкистов, бухаринцев. Всего и не перечислить.

Встречался я на своем веку с поэтами – Есениным, Маяковским, Клюевым и другими; учеными: Павловым, Леоном и Иосифом Орбели и многим другим; с лжеучеными – Лысенко, Башьяном и тысячами им подобных; с музыкантами – Шостаковичем; писателями – А.Толстым, М.Зощенко и др.

Поэтому на старости лет, когда прошлое мое далеко, а будущее близко, захотелось рассказать об этом. Так появились эти заметки. Откладывать больше нельзя: каждый день уносит частицу бытия.

Опомнимся – но поздно! И уныло
Глядим назад, следов не видя там.

.....

Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

А.С.Пушкин

Время стирает с лица земли целые города и государства, и уходят в небытие жившие в них люди. Уже мало осталось людей, которые помнят мой родной город Ставрополь таким, каким он был в дни моего детства.

Это первая Ставропольская мужская гимназия в те далекие времена, когда в ней учились Иван Ковалев, ставший потом моим отцом, Сергей Козин, который будет моим дядей и действительным членом Русской Академии наук, Коста Хетагуров – будущий осетинский поэт и многие другие из тех, кто уже давно покинули этот мир.

Город наш основал Александр Суворов и назвал его по-гречески Ставрополь, то есть Город креста, и поэтому на кафедральной горе был установлен каменный крест.

Это писал мой дед Николай Петрович в то время, когда еще не было меня на свете. Писал своему сыну, который много лет спустя стал моим отцом.

Дедушка Николай Петрович сообщает о том, что муж его дочери Меланьи, Карп Андреевич Соколов, поехал на Черное море по его поручению. Там, в маленькой деревушке Джубге Карп Андреевич купил два участка, на которых были построены дачи Ковалевых и Соколовых.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор,
Я просто русский мещанин.

Мой дед Андрей Ильич Козин, получив за храбрость Георгиевский крест, получил и личное дворянство, став «дворянином по кресту». Его же потомки остались мещанами города Ставрополя, а дед Николай Петрович и его потомки числились крестьянами. Однако судьбе было угодно, чтобы среди них были профессора, академики, врачи, агрономы, инженеры и офицеры...

СЕМЕЙНАЯ ЛЕГЕНДА

От бабушки Козиной и матери моей слышал я в детстве семейное предание о происхождении рода Козиных.

Где –то в Таврической губернии, еще при матушке Екатерине, у молодой помещицы был крепостной кузнец, молдаванин с примесью цыганской крови. Был он хорош собой, высок, силен и статен. У него был замечательный голос, и пел он удивительно хорошо. От него, говорят, и унаследовали все Козины песенный дар. Полюбила его молодая барыня и сделала своим любовником, а у кузнеца Козина была невеста. Бежал он от похотливой барыни с любимой девушкой куда-то на Волгу, где и скрывался от гнева барского.

По семейному преданию один из внуков его, Илья и стал нашим прародителем. Сын Илья окончил церковно – приходскую школу и был писателем. Другому же сыну Илья Андрею удалось поступить в гимназию. Вот он-то и был моим дедом –Андреем Ильичем Козиным.

Так ли это было, нет ли – одному Богу известно, но предание это передавалось у нас в семье из одного поколения в другое. В обличье же всех Козиных было много цыганского, и всем им свойственна была неудержимая страсть к бродяжничеству, а особенно сильна была она у меня, и в детские годы исколесил я пешком все Ставрополье и Терские степи, доходил до Астрахани и до берегов Черного моря.

Легенду эту дедушка рассказывал моей матери, и она свято верила в нее.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Жил где-то на Волге или в Центральной России в уездном городке мещанин, чиновник Илья Козин. Сын его Андрей учился в гимназии. Дошел до последнего класса, и случилась беда. Поймал его инспектор гимназии в позднее время на улице, когда гимназистам полагалось сидеть дома. Самое главное, Андрей курил. Должны были его подвергнуть «наказанию на теле», то есть розгами. Не само наказание страшно, а стыд и позор. Бежал он из дома на Кавказ, поступил в солдаты и отслужил 25 лет. Служил в одном полку с поручиком Лермонтовым. Потом с молодым Л.Н.Толстым. Тяжелую солдатскую службу нес, как положено, и за смелость, проявленную при пленении Шамиля, был награжден Георгиевским крестом, а с ним получил и чин штабс-капитана. Ни Золотая звезда героя, ни орден солдатской Славы не могли сравниться с этой наградой.

Имя Георгиевского Кавалера записано золотыми буквами на стене Георгиевского зала в Кремле. Получил он Личное дворянство, то есть сам получил дворянское достоинство, но по наследству оно не передавалось. Дети его могли учиться бесплатно в любом учебном заведении России и даже получали особую стипендию. Поэтому дядя мой (Лидия и Александра) и моя мама получили медицинское образование. При встречах ему отдавали честь даже генералы и сам Государь. Ездил он на всех видах транспорта бесплатно.

ДВЕ ВЕТВИ

Много было детей у Николая Петровича Ковалева – что-то около шестнадцати. Выжили четверо: старший сын Иван (мой отец), младший Дмитрий, дочери Екатерина и Меланья.

У Андрея Ильича Козина детей было меньше, но выжили все: сын Сережа, младший Николай, дочери: Александра, Апполинария, Лидия и Зинаида.

Младшая – Зинаида Козина вышла замуж за старшего Ковалева – Ивана. Так соединились два совершенно непохожие друг на друга рода моих предков.

Козины – смуглые, живые, черноглазые, общительные, веселые, непоседы, немного бесшабашные, щедрые.

Ковалев – внешне суровые с кожей белой, как молоко, русые, молчаливые, сдержанные, рассудительные, бережливые.

Козинские потомки были либо бездетные, либо малодетные. У мамы моей было нас двое – я и мой брат Андрей; у ее сестер Аполинарии и Александры детей не было. У другого – Сережи (будущего академика), детей не было. У Николая был, говорят, изумительный голос. Пел он в Ставропольском Архиерейском соборе. Купечество собрало деньги, и послали его учиться в консерваторию.

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех

Более двухсот лет члены нашего рода жили в России. Пахали землю, выращивали хлеб, разводили скот, ковали железо, торговали и лечили людей. Только ураган революции, Гражданской и Великой Отечественной войн сорвал с насиженных мест тех из них, чьи корни слабо вросли в родную землю, и разбросал по всему миру.

СОКРОВИЩА ДАЛЕКОЙ ИНДИИ

Старшая дочь Меланьи и Карпа Андреевича Соколовых вышла замуж за Попова, занимавшего видное место в обществе, и поэтому в 1918 году бежала с ним из России. Муж ее умер в дороге, а она добралась после долгих скитаний до столицы Югославии Белграда. Одна в чужой стране без средства, она зарабатывала на хлеб насущный вышивкой и шитьем. Художественная вышивка – наследственная склонность всех Соколовых.

Случилось так, что какой-то индийский дипломат, собираясь на торжественный прием, в последнюю минуту обнаружил, что его богато расшитый шелковый национальный костюм требует ремонта. Время было позднее, и ему посоветовали обратиться к белошвейке, русской эмигрантке Валентине Поповой. Она заказ выполнила безукоризненно и быстро. Так состоялось знакомство Валентины и индийской дипломата. Знакомство переросла в дружбу, затем в любовь, и дело кончилось браком.

Об этой истории, напоминающей одну из волшебных сказок «тысячи и одной ночи», мы узнали более, чем через 60 лет. Дело в том, что в те времена связь с заграницей считалась тяжким государственным преступлением, и за нее можно было поплатиться «ссылкой без права переписки» или расстрелом. Поэтому тетя Малаша и все мы говорили, что Валя пропала без вести, и мы о ней ничего не знаем. Отец писал в анкетах, что родственников за границей не имеет. Правда, первые годы какими-то путями тетя Малаша получала изредка

письма из Белграда. Спасло невежество ставропольских чекистов, которые думали, что Белград – это где –то на Украине. Затем письма прекратились. И вдруг глянул гром: Юрбюро стало разыскивать Соколовых – родственников Валентины, умершей в Индии и оставившей наследство. Было это уже после Великой Отечественной войны. На семейном совете было решено говорить, что родственников в Индии у нас нет, тут какая- то ошибка. Так никто и не сознался... У страха глаза велики. Мне об этом рассказала Валерия.

ДИССТДЕНТ

Все в нашем роду были законопослушными людьми. Отец мой и бабушка говорили, что всякая власть от Бога, даже власть антихриста, и перечить нельзя. Потому что все образуется по воле Божьей. Было одно исключение – брат мой двоюродный Борис.

Тетя Лида в 1915 году после смерти мужа, офицера А.Филистинского, осталась вдовой с сыном Борисом. Он старше нас братом, красив, умен, прекрасно образован для своих лет, кумир всех девиц. Организовывал кружки самодеятельности, сам выступал на вечерах, декламируя футуристические стихи. Вскоре он с матерью уехал в Ленинград к дяде Сереже и там закончил Восточный факультет университета.

В 1929 году мой брат Андрей, а затем и я тоже переехали в Ленинград. Нас приютила тетя Лида. Борис уже работал. Он был заядлым театралом, посещал концерты в Филармонии, ходил в Мариинский театр. Советскую власть ненавидел всеми фибрами своей души. Нам же с братом это было чуждо. Не понимали мы тогда многое, и Бориса осуждали. Это потом мы поняли, что во многом он был прав. Его вредительство властям проявлялось только в анекдотах. Вскоре он был арестован и сослан. После возвращения из ссылки ему запретили жить в Ленинграде, и он уехал в Новгород. К нему переехала и тетя Лида. Началась война, Новгород заняли немцы.

Мы с братом уже работали в системе органов Госбезопасности: брат в Особой радио-лаборатории, я - в

одном из технических отделов. Однажды партизаны доставили в Ленинград листок из газеты, изданной при немцах в Новгороде. В нем была статья за подписью «Б.Ф.», в которой описывалась история двух братьев; фамилии названы не были, но мы с братом сразу поняли, что речь идет о нас.

После освобождения Новгород к нам в руки попала листовка за подписью помощника бургомистра Новгорода Филистинского, полная ненависти к большевикам.

Даже теперь, когда мы многое узнали, многое поняли, для нас понятие Родины – Россия, русские люди по-прежнему святые, и ужасы сталинской эпохи не могут оправдать в наших глазах службу Бориса Филистинского у немцев. Потом следы его затерялись. Вскоре мы узнали, что в США появился Борис Филиппов – один из ведущих деятелей издательства «Посев» (Б.Филистинский). Он был объявлен врагом народа. Удивительно, как все меняется: после XXII съезда партии, через несколько лет в нашей печати стали появляться хвалебные статьи о Борисе Филиппове, печататься его воспоминания в толстых журналах и газетах. В некоторых из них он пишет и нашей семье. Теперь он считается безвинной сталинской террора.

Много в этом очерке интересного, но в моих глазах, в глазах законопослушного человека, служба Бориса у немцев остается преступлением против Родины, хотя я понял, что во многом он был прав.

В БОГАРИИ

Дед мой Козин и его Пелагея Ильинична были люди верующие, традиции древне и «у них на масленице жирной водились русские блины», на Пасху – куличи и крашеные яйца, которые у нас на юге назывались писанки. По праздникам всей семьей ходили в церковь, постились, хотя и не очень строго, дома у икон всегда теплились лампадки. Однако Фанатиками мы не были, грехом считали плохие дела, а не мелкие нарушения церковных предписаний. Поэтому людей духовного звания в нашем роду не было.

Когда же у их сына Николая обнаружили замечательный голос и отсутствие склонности к физическому труду, стал он петь в церковном хоре, это стало его профессией и увлечением. Пел он в Архиерейском соборе. Перебрался в Екатеринодар, где пел в Кафедральном соборе. Городское купечество за свой счет послало его учиться в Консерваторию в Петербург. Однако сказался буйный характер далекого предка – цыгана: за непотребное поведение был он из Консерватории исключен, и вернулся. В Екатеринодар. Не знаю как, но стал сталь он дьяконом. Духовный сан не укротил его характер. Продолжал он веселую жизнь. Однажды, во время службы, в облачении выскочил из храма и учинил драку с ухажером своей любовницы, за что и был лишен сана и сослан в монастырь на покаяние. Однако и там он не утихомирился и вскоре вернулся в Ставрополь. Там он женился, обзавелся семьей. Во время Гражданской войны вступил в белую гвардию и в 1919 или 1920

году. Отступая, с ее полками оказался с сыном Александром в Болгарии, а в Ставрополе осталась его дочь Екатерина и сын Николай. В Болгарии он в городе Тырново, где служил священником.

ПЛОДЫ РАЗДУМИЙ

Следуя совету Козьмы Пруткива, посмотрел я в корень, и оказалось, что у всех наших родственников, покинувших Родину, есть одно общее: никто из них не держал никогда в руках лопаты, не поливал огород, не посадил ни одного дерева, не пас коров, не ходил босиком по утренней росе.

Дядя мой Николай Козин, эмигрировавший в Болгарию, с малых лет пел на клиросе, потом всю жизнь был певчим.

Борис Филистинский, в то время как все мы, мальчишки, работали в саду и в огороде, проводили время в клубе. В сад и сад и огород он ходил только, ходят в магазин за продуктами. Он не посадил ни одного дерева, не забил ни одного гвоздя, не выгонял коров на пастбище, не вскопал ни одного грядки, не вытащил ни одного ведра из колодца.

Валентина Соколова, в отличие от своих сестер и братье, не знал нужды, росла в то время, когда семья в богатстве. Она держала в руках только иголку и пальца, занимаясь рукоделием.

Вероятно, не случайно, что именно эти представители нашего рода, не вросшие корнями в родную землю, были унесены ветром истории и оказались вдали от Родины в тяжелые годы испытаний.

Не бродили они по степям нашего родного края, ни разу не были в лесу, кроме выездов на пикник к Холодному роднику или берегам Сингелеевского озера.

Когда же муж моей двоюродной сестры Миша Раздобудько попал раненый в плен к немца, а затем в американской лагерь для военнопленных, он отказался уехать в США, приложив все силы, чтобы вернуться в родные края. Я уверен, что причиной этом было то, что крепка в нем крестьянская закалка, связь с землей предков, и хотя была его семья после революции разорена, хозяйство разрушено, пережили они и раскулачивание, - родной

Для него осталась Родина, и оторвать его от родной почвы не смогли никакие ветры.

Отец мой прожил около шести лет в Германии, получил там образование, работал в Бельгии, Голландии, и 1911 году вернулся в Россию. Он как был, так и остался в душе русским крестьянином, всеми корнями связанный с родной землей. Когда же Пятигорск заняли немцы, где тогда жили мои родители, немцы узнали, что отец жил в Германии, хорошо знает немецкий язык и является крупным специалистом. Они сулили ему золотые годы, но он как был крестьянином села Медвежьего, так и остался им. Таким людям не страшны никакие испытания, и от родной почвы оторвать их нельзя.

ДОЧЬ БАБУШКИ ПЕЛАГЕИ

«Есть женщины в русских селеньях...»

Мать моего отца Пелагея была типичной русской крестьянкой. Немногословная, вечно в работе, внешне суровая, но с доброй отзывчивой душой. Покорялась воле мужа, а после его смерти старшему сыну – главе семьи. Грамоту она не знала, но на пальцах считала прекрасно и решала мгновенно сложнейшие арифметические задачи из учебника «Чижикова с картинками», которые ставили в тупик даже гимназистов старших классов.

Она была не скупой, а по-крестьянски бережливой. Белье свое и платья хранила в сундуке и надевала нарядную одежду только по праздникам, а в будни ходила всегда в одном ситцевом платье. Все берегла «на черный день». Мы смеялись: «Когда же бабушка, придет этот черный день?», – а она отвечала: «Не гневите Бога. На все воля его. Дай Бог, чтобы беда нас миновала»,

И так случилась, что все же пришел этот черный день, и спасла нас от смерти голодной бабушка Пелагея. Посадила она, достав из заветного мешочка, шесть тыквенных семечек, тайком спрятанных ею. Выросло из них более двенадцати огромных пудовых тыкв. Оказалось, что семена из просяных метелок она бережно собирала и прятала в своем сундуке, завернув в тряпицу. В голодные 1920-е годы выросло из них просо, и собрали мы его около целого мешка. До сих пор помню я нашу единственную пищу тех лет – тыквенную кашу бабушки Пелагеи, а коврики, связанные ею из тряпочек,

жили в нашей семье еще много-много лет после ее смерти.

Детей родила она много, но из двенадцати выжили только два сына – отец мой Иван, брат его Дмитрий и две дочери – Катя и Меланья. Любили мы слушать ее неторопливые рассказы о многочисленной родне, которую она помнила всю, и по ее рассказам выходило, что чуть ли не половина города состояло в родстве.

В 1709 году царь Петр разгромил под Полтавой войска шведского короля Карла XII, и среди восемнадцати тысяч пленных оказался молодой солдат Эбериус. Обрусел пленный швед, дети уже носили русские имена. Оставил он своим типично скандинавскую внешность, любовь к торговле, трудолюбие и фамилию, чуждую для русского слуха. Не знал он, какую роковую роль сыграет его наследство через 100 лет в судьбе семьи Эбериус.

Дочь бабушки Пелагеи Екатерина вышла замуж за торговца зерном Кузьму Васильевича Эбериуса. В 1917 году разорили его, конфисковали все имущество и остались они нищими, а семья уже была немалая: трое дечери – Лида, Мария и сын Василий. Перебивались они, чем Бог пошлет. Спасло трудолюбие и практичность Кузьмы Васильевича. Поверили он в долговечность НЭПа, и сразу же вернулся к любимому делу – завел в станице Ново - Александровской возле станции Россшиватки хлебную ссыпку и зажил. Жена Катя держала столовников. Это были все торговые люди – греки и армяне. Вася промышлял охотой и завел возле дома пасеку.

Однако пришел конец благоденствию, вновь разорили потомка шведского солдата: имущество конфисковали, его самого сослали, и умер он от тифа где-то

по дороге в Сибирь, а Катю с детьми выбросили на улицу. Скитались они по деревням и наконец, добрались до Ставрополя. Однако на работу жену и детей «буржуя» не брали. Детям трудом удалось окончить среднюю школу. Лида существовала тем, что занималась художественной вышивкой. Тетя Катя стирала белье за кусок хлеба или гроши. Чем жил Вася – сказать трудно. Но вот наступили еще худшие времена – всюду искали врагов народа и шпионов. Конечно, людей с фамилией Эберюс не могли оставить в покое. Начались аресты, ссылки. Вася попал на рудник в Закавказье, на самые вредные работы. Однако и здесь спасли трудолюбие и богатырская сила. Забрали его на строительство московского метрополитена. Жил он в общении, в общежитии, в бараках недалеко от храма Христа Спасителя, обзавелся семьей, получил отдельную комнату в бараке. Там у него я бывал. Получил он даже звание «ударника» и не излечимую болезнь силикоз. Стал лечиться пивом и медом, но это не помогло. Пришлось уехать на юг, в Батуми, где уже жили родственники Соколовы. Там и обосновался род Эберюсов.

С Лидой и Марусей я поддерживал связь до 1996 года. Тогда Лиде было уже больше девяноста лет, а Марусе около девяноста. Семьями они так и не обзавелись и доживали жизнь одинокими, полуголодными старухами. Чтобы не умереть с голода, продали свою квартиру местному грузину с условием помогать им при жизни и похоронить после смерти.

Членов этой ветви нашего рода забросила судьба в годы лихолетья в разные города Аджарии, Абхазии и Грузии.

САМОСТРЕЛ

Трудно судить о поступках других людей, не зная конкретно обстановки, в которой эти люди жили и мотивы, заставшие их поступать так, а не иначе.

Недавно сын мой Павел сказал мне, что я в дни его детства был заядлым коммунистом, восторгался всем, оправдывая массовые репрессии и гонение на инакомыслящих. Ведь в те времена достаточно было им в школе сказать одно неосторожное слово, и судьба их всей семьи была бы решена...

Также, когда Миша Раздобудько, муж моей двоюродной сестры, вернулся с войны без пальца на руке, среди родственников поползли слухи, что он сам отстрелил себе палец, чтобы попасть в госпиталь и не погибнуть на фронде.

Много позже я узнал, что палец он отстрелил себе сам, но мотивы этого поступка были совсем иные, и чтобы понять их, мне потребовалось вернуться мысленно на полтора века в прошлое.

В конце XVIII века в степях предгорья вдоль Кавказского хребта возникла цепь казачьих станиц. Благодатные это были места. Удивительный и своеобразный быт сложился в этих южных форпостах России. Яркие картины его оставил Л.Н.Толстой в повести «Казачья станица», которую в нашей семье любили так же, как чеховскую «Степь».

Во многие эти гребенских станицах мне пришлось побывать во время моих скитаний в школьные годы, беседовать с потомками бравого Лукашки, для Ерошки и гордой Марьянки.

Жители этих станиц стали ядром Терского и Кубанского казачества, хранившего обычаи древней Запорожской Сечи. Некоторые же станичники разбрелись по окрестным великорусским деревням, и об их прошлом напоминали только фамилии, мягкий певучий говор, да еще удивительно крепкая хозяйская хватка. Они составили самую зажиточную часть ставропольского крестьянства. Называли их куркулями. Конечно, хозяйства их были разорены в первую очередь в период коллективизации. Однако живучи были потомки куркулей. Как чертополох, быстро обзавелись они вновь хозяйством, умея ладить и с «Белыми», и с «красными».

Вот за такого обрусевшего хохла вышла замуж моя двоюродная сестра Катя. Муж ее, Михаил Трофимович Раздобудько, работал то в Охвотсоюзе, то уголовном розыске, но хозяйства своего не оставлял. В селе Петровском был у него дом под железной крышей, пара лошадей, овцы; немалый доход давала охота в бескрайных зарослях камыша вдоль Маныча и в ковыльных степях. Знал он и слесарное дело, кончил какие-то курсы, работал механиком на мельнице, молкомбинате, маслозаводе и в других места. В войну он пропал без вести и вернулся только через два или три года после Победы. Однажды в Стрельне, где он работал механиком на птицефабрике, рассказал мне свою Одиссею военных лет.

Случилось так, что в одном из первых боев оказался он один живой среди десятков трупов наших солдат. Умирать в расцвете сил – нелегко. Попасть в плен – значит уже никогда не вернуться домой к семье. Он прекрасно знал, что грозило солдату, попавшему в плен. В лучшем случае – сибирские лагеря. Только попавший в

плен раненный мог рассчитывать на прощение. Миша нашел выход. Конечно, повесть Л.Толстого об отце Сергии он не читал, но решился на такой же поступок: отстрелил себе из автомата палец на руке, истекая кровью, потерял сознание, и в таком состоянии попал в немецкий концлагерь.

Много рассказал он мне в тот вечер о жизни за колючей проволокой. Предлагали ему немцы вступить в части украинских националистов. Он дал уклончивый ответ – надо же вначале поправиться, а после этого решать. Приезжал и генерал Власов с предложением вступить в РОА (Русская освободительная армия), а Миша все тянул, ссылаясь на то, что палец еще не зажил. Немцы ему верили, вероятно, из-за украинской фамилии, а потом даже использовали как механика по ремонту автомашин.

В 1945 году лагерь был освобожден американскими войсками. Мише они предложили работать механиком в гараже, а он все добивался возвращения в Россию. Ему предлагали уехать в США, а он добивался встречи с представителями Красного Креста и русским командованием. Товарищи по лагерю, американская администрация говорили, что на Родине ему простят плена. В конце концов, ему удалось вернуться в Россию. В ту самую Россию, где разорили его родного, где он до войны никогда не был богатым, где его ждали осложнения как бывшего пленного. Однако здесь была его Родина и семья.

Эту историю он рассказал только мне, и я хранил его тайну. Только теперь, когда его нет уже на этом свете, когда умерли его жена и сын, я решился ее записать.

По-разному можно оценивать один и тот же поступок человека. Нанести себе увечье, чтобы избежать военной службы, - преступление, а в тех обстоятельствах оно граничило с подвигом.

Никакие военные бури не сумели оторвать от родной земли потомка запорожцев, вросшего своими корнями в русскую почву.

Я рассказал эту историю, знал один, лишь для того, чтобы очистить память М. Раздобудько от упреков тех, кто не был на войне и не знает, как люди попадали в плен.

МОЙ ДЯДЯ СЕРЕЖА

КОЗИН СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ 7(19). 10. 1879, Туапсе, ныне Краснодарского края -16. 10.1956, Ленинград, советский монголовед, АН СССР (с 1943). Окончил в 1903 Петербургский университет. В 1914-1918 гг. работал в Автономной Монголии советником по финансам при монгольском правительстве. В 20-е годы принял участие в создании ленинградского Восточного института. В этом институте и в Ленинградском университете преподавал с 1929 года монгольский язык.

С.А.Козин – автор трудов: «Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.» (1941); перевод (и комментарии) монгольского эпоса «Гессериада» (1935) и калмыцкого эпоса «Джангариада» (1940); «Эпос монгольских народов» (1948). Эти работы дают богатый и разнообразный материал по быту, общественному и политическому строю, культуре и языку монгольских народов.

Соч.: К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских ильханов, «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1935, И 7; Ойратская историческая песнь о поражении Халханского Шолой – У баши, хунтайджи в 1587 г. войсками ойратского Четырехцарствия, «Научный бюллетень ЛГУ», 1946, И 6.

П.П. Старицына

Большая Советская Энциклопедия, изд. 3-е, 1973 г., т. 12.

ВСЕ ГЕНИАЛЬНОЕ ПРОСТО

Лучше жить своим умом. Американцы нас учат. Нам квас, как воздух, был потребен, они – «пейте пепси». Они живут в кредит. Это их образ жизни, и его они навязывают нам.

В России было иначе. Мой дед, купец второй гильдии, учил моего отца: «Не бери в долг». Отец учил нас: «Отдавать труднее, чем брать». У нас в семье боялись греха, холеры и долгов. Россия не брала в долг. Она сама давала займы. Наш министр финансов С.Л.Витте был гениальный финансист. Он из-под самого носа у англичан выхватил лакомый кусок. Сделал это просто: дал монголам большой заем на очень выгодных для них условиях. Условие одно: Россия посылает им советника по финансовым вопросам. Без его согласия они не могут потратить ни копейки из копейки из этих денег.

Много матерых политиков и темных дельцов мечтали занять эту должность. Витте сделал смелый шаг: пошел в университет и предложил это место молодому выпускнику Восточного факультета, не искушенному в политике и денежных вопросах. И не ошибся.

Выбор пал на моего дядю Сережу. Он был представлен Государю, и вскоре отправился в Монголию, где он завоевал любовь и глубокое уважение. Много сделал для развития страны, становления ее культуры. Главное же – древняя богатая страна была завоевана без войн и крови. Сам же Сережа узнал этот народ, полюбил его и стал крупнейшим в Европе монголоведом. Он доказал,

что роль России не в том, чтобы держать «веками щит
меж двух враждебных рас – монголов и Европы».

Панмонголизм. Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно.

А.Блок

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

У мужчин нашего рода отношение к браку было особое. Модное теперь выражение «заниматься любовью» они не знали. Первая женщина становилась их спутницей на всю жизнь. Узы эти были нерасторжимы – освящены ли они церковью, или узаконены государством – значения не имел.

Я первый в роду, кто решился разорвать семейные узы через тридцать три года раздумий и сомнений.

Брат мой Андрей после офицерской пирушки остался ночевать у одной из бывших в гостях девиц. Нравилась она ему или нет, была ли между ними духовная близость – неважно. Он прожил с ней до конца своих дней.

Будучи студентом, Сережа квартировал в семье одной эстонки. Однажды хозяйская дочь Татьяна оказалась в его постели. Больше интимной близости между ними, кажется, никогда не было. Он на ней не женился, но жил с ней всю жизнь и заботился о ней, отказался от счастья с женщиной, которую полюбил. Только перед смертью он обвенчался с Татьяной.

Именины Татьяны в Сережином доме были торжественным днем. Это ведь были не просто именины хозяйки. Это был Татьянин день – праздник всех русских интеллигентных людей. За столом собирались все близкие, знакомые, друзья. Я старался всегда быть поближе к одной из гостей, Марии Александровне Соколовой, с которой Сережа подружился в дни эвакуации. Она заведовала кафедрой русского языка в университете. Ей

нравилось, что я научился от бабушки Козиной говорить «лепота», употреблять слово «довлеть» в смысле «хватать», а давить; ненавидел словечко «учеба», а говорил «ученье свет...», знал, что не обрушенный горох – «зобаный», что были учителя, а не учителя православной церкви, что колокольчик вешают на зыгу... Чудная речь была у моих бабушек! Дай им Бог царство небесное, а мы о них светлую память храним.

СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ

Семьдесят лет твердили нам: семейственность – зло. Наследие проклятого прошлого. А почему это зло? Вспоминали слова из «Горя от ума»: «Ну, как не порадовать родному человечку?». Да ведь дело не в родственных отношениях, а в моральных принципах. Отправляясь в Монголию, Сережа взял с собой лишь жену Татьяну, старшую сестру Александру (Сашу), сестру Аполлинару с мужем Федором Яковлевичем. И все они вели хозяйство, канцелярию и бухгалтерию.

Федя был человеком не от мира сего. К жизни совершенно неприспособленный, доверчивый, как ребенок, наивный, не знавший цену деньгам.

Он зачем-то учил монгольских ребятишек музыке и французскому языку. Саша (она была акушеркой) не только вела всю переписку, но и принимала роды у знакомых и незнакомых.

Не знаю, какое жалованье они получали, и получали ли его вообще. Знаю, что, получив отчет о работе представительства, в письме на имя Сережи спрашивали: почему в нем нет статьи «Расходы на содержание представительства?».

Вернулись из Монголии все без гроша в кармане, без шелков и ценностей.

Почему же теперь, работать в одном учреждении, муж и жена вынуждены скрывать свое родство, носить разные Фамилии?

Может быть, причину взяточничества, воровства и других злоупотреблений надо искать не в семействен-

ности, а много глубже. В душах людей, из которых вырвали все святое.

А нам твердят: семейственность – зло!

ВСТРЕЧА СО СТАЛИНЫМ

Классики марксизма, члены Политбюро и даже партийные руководители районного масштаба считались непогрешимыми. Человек, сказавший, что Сталин был маленького роста, или что у него лицо корявое от следов оспы, навеки исчезал в лагерях ГУЛАГА, или попадал в психиатрическую больницу. Мой знакомый однажды поинтересовался, как бы выглядел бритый Маркс, без бороды. Больше мы этого любопытного не видели.

В эти страшные годы бурятские ученые опубликовали статью, в которой утверждали, что академик Козин не читал Маркса, может, и того хуже, - сомневается в его правоте. Козин писал, что Чингиз был объединителем монголов, а сам великий Маркс назвал его кровавым завоевателем.

Этого было достаточно. Сережу уволили с работы, лишили права голоса («лишенец» - все равно, что прокаженный). Он сидел дома мрачный, убитый горем, и ждал ареста. Коллеги и друзья приходили к нему боялись.

И вдруг телеграмма: «Немедленно выезжайте в Москву. Встреча обеспечена». Надежда на возвращение было мало. Насушили немного сухарей. Собрали теплое белье. Что произошло в Москве, рассказывал потом сам Сережа.

Встретили, отвезли в шикарную гостиницу. Предупредили: ждать, из номера не выходить. Утром посадили в машину, куда-то отвезли. В комнате на столе вино, персики, виноград (а дело было зимой). Сказали:

«Сейчас придет Сталин». Вошел. Руки не подает. Не здоровается. Помолчав, говорит:

– Сергей Андреевич, ко мне поступают сигналы о вашей вредительской деятельности.

– В чем дело, Иосиф Виссарионович?

– Почему Вы организовали Восточный, повторяю, Восточный факультет в самом западном городе Союза, а не во Владивостоке?

– Так ведь там мировой центр востоковедения, азиатский музей, архивы, ученые!

– Все это можно перевести.

– Что Вы! Перевести на новое место- значит, изъять из научного оборота на много лет!

– Ну, предположим. А почему Вы учите студентов восточной философии, языкам, а экономику Китая, Монголии не преподаете?

– Иосиф Виссарионович, мы готовим дипломатов для работы на востоке, они должны проникнуться духом тех народов. А там все иначе, все по-другому: у нас черный цвет траурный, а там праздничный; у нас рубанком стругают от себя, а там к себе; у нас топор насаживают лезвием вдоль топорщица, а там поперек; у нас в знак согласия кивают головой, а там наоборот; к нас копают лопатой, а там тяпкой и т.д.

– Это верно! Пейте, Сергей Андреевич, кушайте фрукты. Наша дорога на Востоке – это Монголия, Китай, Индия. Это Петр выдумал «окно в Европу». ИМ там это как заноза в заднице. Сколько у вас студентов учат монгольский?

– Очень много, боюсь даже сказать. Когда я учился, нас было пять, а у меня теперь восемь.

– Сколько? Сто, двести принять. Езжайте, трудитесь.

С тех пор Сталин стал для Сережи кумиром. Было забыто все плохое. Есть у русских эта удивительная черта – всепрощение. Вспомните у Пушкина:

«Он человек! Им властвует мгновенье!» (Ничего себе мгновенье – тридцать лет).

«Он раб молвы, сомнений и страстей;

Простим ему несправное гоненье (Расстрелы и лагеря!)

Он взял Париж, он основал Лицей» (он взял Берлин, но какой ценой?)

Удивительный русский народ!

ПОДАРОК СТАЛИНА

Бессонными ночами я много думал о том, что руководит поступками государственных мужей: высшие интересы государства или личная выгода: жажда славы, желание подкупить нужных людей? Прихожу к выводу – это не так уж важно. Важен результат.

Сталин не объясняя мотивов, подарил каждому ленинградскому академику по даче. Да какой: шесть комнат, лоджия, веранда, кухня, ванная, погреб. Все удобства. Отопление. С правом наследования. Освободил от налогов. У становил большие оклады.

Теперь говорят очень много о роли науки, искусства, а ученым зарплата не платят, средства на содержание лабораторий нет. Получил в Академическом городе дачу и Сережа. Акт на владение подписан самим Сталиным. Он хранится у нас. Все выбирали участки живописнее, поросшее соснами и елями. Сережа выбрал участок совсем пустой. Один песок, да жалкий кустики можжевельника. Я говорит, люблю степи. Теперь это один из лучших участков. Без меня в Комарово не поехал – что я там буду делать среди чужих.

Поселился я с семьей в сторожке: гараж и две комнатки – для дворника и шофера. Машины не было. Не было дворника. Прожил я там около пятнадцати лет. Дети мои росли с Максимом и Галкой Шостаковичами, детьми и внуками академиков, художников, писателей. Там сложился их духовный мир, определились интересы.

Так, право, для меня не так уж важно, что руководило Вождем народа.

ЖАРЕНАЯ ГОВЯДИНА

Языки надо учить. Я не учил. Теперь жалею. Правда, раньше можно было обходиться и без них. Моя бабушка Пелагея не знала иностранных языков. По-русски она тоже не умела писать и читать. Когда же отец мой в Германии заболел, поехала навестить его. На наши вопросы отвечала: «Да это просто. Дала жандарму целковый. Он документы выправил. Городовому денег дала – купит, а за труды стакан ему налила, неполный. Дали мне записку с адресом на немецком языке. Я ее берегла. За лифом хранила. Когда надо – показывала. Меня и везли куда надо».

Старый способ. Еще герой Фонвизина удивлялся: «Зачем географию учить. На то извозчики есть». Отец в гимназии учил греческий, латынь. Читал в подлинниках Гомера, Еврипида, Софокла; знал наизусть кое-что из Плутарха; любил речи Цицерона против Катилины: «Доколе ты будешь безумствовать, Катилина!»

По-немецки же – два-три слова. Рассказывал, первое время в Германии было трудно. Покупал молоко, хлеб. Мясного блюда заказать не мог. «Куда ни придут», - в меню «Киндер фляйш» (детское мясо). Ни говядины, ни баранины. Потом узнал: в немецком готическом алфавите заглавные буквы «К» и «Р» очень похожи. Разница лишь в маленьком хвостике. А немцы все существительные пишут с заглавной буквы. Оказывается, это было не Киндер, а Риндер фляйш (говядина). Ничего, с голода не умер. Шутки шутками, а через месяц отец слушал лекции на немецком языке. Окончил в Лейпциге

Высшее коммерческое училище. Потом сельскохозяйственное, тоже высшее.

И все же языки учить надо. Правда, это не главное. Теперь многие говорят английский, а делают подлости. Читают «Лайф», а из «Евгения Онегина» не знают ни строчки.

БЛЕСТЯЩЕЕ СОЗВЕЗДИЕ

Много есть мест в России, связанных с именами великих людей. Михайловское и Болдино – Пушкин, Ясная Поляна – Толстой, Шахматов – Блок и Менделеев, Рождествено – Набоков... Орел – Лесков, Красноярск – Суриков. Десятки и сотни имен и названий. Это Уже история, близкая и далекая.

Я уверен, продет совсем немного лет, и о маленьком поселке Келомяки будут написаны толстые монографии. Это – Комарово, названное в честь Президента Академии наука. Совсем рядом – Репинские Пенаты и Куоккала Чуковского... Само же Комарово – созвездие звезд первой величины. Случилось так, что почти всех их я видел, со многими был знаком, с некоторыми подолгу беседовал. Чтобы облегчить работу историкам, назову некоторых из них.

Инженер Графтио – электротехник, автор планов ГОЭРЛО. Престарелый отец русской физики Фок. Старший и младший Линники – оптики. Леон Орбели – биолог и брат его Иосиф («Черномор»), арабист. Тонкий знаток романской литературы Шишмарев и его дочь – художница, зять и внук – художники. Индологи, отец и сын Баранниковы. Китаевед Алексеев. Химик Порой -Кошиц. Биолог Берг. Фармаколог Аничков. Гребенщиков, известный химик и технолог. Смирнов, по учебником которого мы учили высшую математику. Языковед Мещанинов. А потом появились физики-атомщики, имена которых мир узнал лишь через несколько лет. Д. Шостакович, артисты Корчагина-Алек-

сандровская и Н.Черкасов. Ну а писателей столько, что перечислить не могу, да и не надо, - они сами любят говорить и писать о себе...

Для нового поколения все это лишь имена, а для меня они – мои современники и живые люди (конечно, в моей памяти).

ИСТОРИЯ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО НЕМЦА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

По воскресеньям к Сереже приходили аккуратный, чистенький немец, похожий на Санта Клауса. Крупнейший иранист, переводчик книги «Тысяча и одна ночь», Федор Александрович Розенберг, родственник гитлеровского Розенберга, тоже востоковеда.

Прожил Федор Александрович почти всю жизнь среди русских, но так и не мог понять, почему погода «ветренная» (ведь говорят же «матерная»); почему девица может быть «как кровь с молоком», а не «молоко с кровью». Совсем как чеховский немец, Который уверял, что «все они русские, и у всех у них русские языки».

По праздникам он приносил всем нарисованные собственноручно поздравительные открытки с сердечком, незабудками и пожеланиями счастья. Слава богу, не дожил он до войны: избежал лагерей. Федор Александрович поведал Сереже свою историю, а тот рассказал ее мне.

Родился и воспитывался он в добропорядочной, богобоязненной остзейской семье. В студенческие годы за тасили его друзья в публичный дом. Через несколько дней он узнал, что подхватил венерическую болезнь; отчаянье юноши было беспредельным: решил покончить с жизнью. Поехал посмотреть в последний раз на фатера и муттер. Купил револьвер. Застрелиться решил под оливами на берегу Средиземного моря.

В Ницце зашел в кафе: не мог нарушить привычку и уйти в мир иной, вовремя не поужинав. К нему за сто-

лик подсел незнакомый француз. «Молодой человек, я вижу, на душе у вас горе. Поделитесь со мной». Федор Александрович рассказал ему все. Тот рассмеялся, дал визитную карточку с адресом своего парижского врача, и заверил, что дело выеденного яйца не стоит. Незнакомец оказался писателем Андре Жидом. Остались они друзьями на всю жизнь: новый друг помогал Федору Александровичу, заезжал к нему, и вместе они приходили к Сереже.

Вот такие страдания юного Вертера. Немец есть немец.

КАК ПОСТУПАЛИ В ИНСТИТУТ

Теперь в институт поступают после школы. Я говорю о дневном обучении. Заочное обучение-дело другое. Заочники бывают разные. Я, как все научные работники, привык все классифицировать. Мой друг профессор Картужанский (про него говорили, что он знает все и еще немного), любил повторять: «Это в цирке много ученых медведей и собак. Среди людей ученых мало. Ученый-это от Бога. Тут талант нужен. Не всем дано».

Так вот, заочники бывают разные:

Те, которым нужен диплом.

А) Практики-люди знающие, но без бумажки (таких с работы гонять);

Б) Проходимцы, жулики. Им нужны не знания, а диплом, чтобы занять теплое местечко

Те, которым нужны знания (таких меньшинство)

А) Не поступившие по конкурсу на дневное отделение;

Б) Семейные (на стипендию им не прожить).

Я настоящих заочников люблю. За одного 10 «дневников» отдам. К сожалению, большинство заочников подходят под пункт «б» (из тех, кому нужен диплом).

...Подвыпив, хвастал воробей:

«Учился я с певцом ночей

В одной консерватории».

Ему ответил соловей:

«Но я-то кончил очную,

А ты с трудом заочную».

В дни моей молодости заочного обучения не было. Теперь есть много способов попасть в институт:

– Прямой, по конкурсу (используется сравнительно редко);

– По благу (путь верный, и почти без риска);

– Через олимпиады, конкурсы, малые факультеты и т. д. (для этого надо готовиться заранее, быть отличником);

– За большие деньги законно на платное обучение (это для детей новых русских);

– За большие деньги незаконно, за взятку (путь рискованный, но верный);

– От физкультуры. Таких кафедра физкультуры выбирает. Потом из них выходят вечные студенты. Стипендию они получают, но преподаватели их не видят не знают.

Зачем поступают?

Вот результаты проведенного мною опроса:

– Чтобы отвязаться, родители очень приставали-30%;

– С дипломом легче замуж выйти-10%

– Чтобы получить отсрочку от армии-10%;

– Чтобы не работать-15%;

– Сам не знаю как все, так и я-10%;

– Хочу учиться - остальные (это романтики).

В наше время этих путей не знали, да они и не нужны были: в институты не поступали - туда направляли (от станка, от сохи и т.д.). Я заручился дюжиной ходатайств и справок, в частности, и такой, что отец мой крупный агроном, ударник труда и т.д., и обязался работать в деревне до конца пятилетки.

Я мечтал стать агрономом. Сунулся в Донской сельскохозяйственный - отказ; в Московский Мясомолочный-то же самое; в Ставропольский - не приняли.

Поехал в Ленинград зарабатывать стаж. Через полтора года со справками с места работы отца поехал в Тимирязевскую академию. Приняли, но общежития не дали. Ночевал в парке, пока было тепло. Наступили холода - пришлось вернуться в Ленинград. Вскоре повезло: дали путевку в Горный институт. Только бы приняли, а там -в Сельхоз перейду. Пошел в Обком Союза заверять путевку, а там говорят -в Горном и без тебя народу хватает, пойдешь в новый Институт инженеров общественного питания. Ну, думаю, все равно, и оттуда сумею перевестись. И пошел. Вот так в наши дни в институт поступали.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

«Как вешние воды, промчались они...»

Племянник Микояна

1 сентября 1931 года пришли мы в институт (Невский, 102), а его нет. Направили нас на практику на фабрики-кухни. Были в нашей группе разные люди: холостые и женатые, возраст - от 17 до 30 лет; штукатуры, плотники, токари и слесаря, даже пастух был. Первое время работали на строительстве этих заведений монтерами, сантехниками, чернорабочими. Это не плохо, к работе мы привыкли с детства.

Потом поставили в мясной цех лошадиные головы обрабатывать. Часами стояли по щиколотку в кровавой жиже. Особенно трудно было глаза вырезать. До сих пор в ночных кошмарах это вижу. Не понравилось это нам. Собрались человек двенадцать, и пошли в институт за документами, там нам говорят: «Документы вернем, но на удостоверениях об окончании напишем: «Дезертир с трудового фронта», и придет конец вашей учебе». Вернулись на фабрику. Написали коллективное письмо Микояну с жалобой. Вскоре получили ответ от его референта: «Подождите, скоро Нарком будет в Ленинграде и поговорит с вами».

Работаем, привыкаем. Запил бригадир мясного цеха, и меня поставили на его место. Стали деньги платить. Скоро и товарищи мои устроились неплохо. Главное - сытно. Когда начались занятия, работать продол-

жали, правда, не все, и в вечернюю, и в ночную смену. О письме Микояну забыли.

Однажды сидим на лекции по органической химии, прибегает секретарь директора (тогда еще до ректора не додумались), по списку вызывает всех, кто письмо Микояну писал, и требует немедленно в кабинет директора. Входим. За столом сидит Анастас Иванович (по портретам знали). Директор наш в углу на краешке стула примостился. Микоян говорит с сильным акцентом: «Товарищ директор, выйдете. Хочу со студентами поговорить». Директор на цыпочках вышел.

Микоян давай рассказывать об общественном питании и его роли; спрашивает о том, как учимся, а о письме - ни слова. И мы молчим. Попрощались. Когда вышли из кабинета, нас окружили сокурсники. Все взволнованы, на директоре лица нет. Наперебой все спрашивают, о чем Микоян так долго с нами говорил. Я среди товарищей был главный оратор.

– О чем, о чем. Да ни о чем. Я с Кавказа, он тоже. Захотел повидать земляка и его друзей. Не говорить же о письме. И пошел по институту слух: Ковалев-племянник Микояна. Приказ по институту повесили на доске: мне назначили стипендию. Тогда ее назначили не по успеваемости, а по социальному положению, в первую очередь - крестьянам и рабочим основных отраслей промышленности. Но недолго ходил я в «племянниках» Наркома, и стипендию получал недолго. Делился с Сенеи Щербаковым. В Профком и Дирекцию написал заявление, что в стипендии не нуждаюсь, деньги на ветер бросаю...

Профессор Меркулов

Удивительно переплетаются человеческие судьбы. То сходятся, то расходятся, то еще раз пересекаются.

В нашем Институте инженеров общественного питания теоретическую механику преподавал профессор Евгений Петрович Меркулов. Холеней красавец, всегда прекрасно одетый, в отличие от других педагогов, ходивших, в чем попало, как это было в тридцатые годы. Была у него даже дача-редкость в те времена. Студентки наши с ума сходили. Злые языки говорили, что некоторые из них даже бывали у него на даче. Он прославился как строитель Американских гор в Ленинграде...

После окончания института я лет двадцать о нем ничего не слышал. В 1945 г. попадаю я в тюрьму. Камера на двоих. Мой сокамерник сокрушается:

– Сидел до вас со много профессор Меркулов, строитель Американских гор. Только разрешили ему передачи – перевели в другую камеру.

Вскоре и меня перевели на Арсенальную в тюремную больницу. В камере человек двадцать. Разговорились, оказалось, что этажом ниже сидит Меркулов. Там связь была хорошо налажена, не то что во внутренней тюрьме.

– Профессор без курева мучается. Надо бы помочь.

Передать курево поручают мне. Во время прогулки во дворе ходим по кругу, мне шепчут:

- Впереди через 7 человек-профессор. Тебя незаметно пропускать будем.

Через некоторое время оказываюсь позади Меркулова. Шепчу: «Не оглядывайтесь, я ваш бывший сту-

дент. Тот умоляет: «Если выйдете, передайте жене то-то и то-то». Вышел я раньше, поручение выполнил: дело святое.

Через несколько лет увидел на Серафимовском кладбище огромный обелиск «Профессор Меркулов» и даты жизни. Прошли еще годы. Попадается мне в «Огоньке» статья о том, что в секретных архивах НКГБ найдено личное дело агента профессора Меркулова Е.П. По его ложным доносам было арестовано, сослано и расстреляно более ста человек. Там же приводятся «цены» доносов: консервы, шоколад и т.д.

Были аресты и в нашем институте... А ведь ни мы, ни наши педагоги Евгения Петровича не любили. Теперь понимаю: не из зависти или ревности. Есть, видимо, чутье и у людей. Не только у собак.

Рассказал я эту историю младшему сыну Павлу. Он говорит: «Не осуждай, мы же всего не знаем, и то, как он стал доносчиком - тоже».

Всякая наука на пользу

Чем только не приходилось заниматься в студенческие годы: стенгазеты оформлял, на красном кумаче зубным порошком с клеем лозунги писал. Правда, не уверен, что лозунги эти были нужны. Помните, у Блока:

«Старуха убивается, плачет.
Никак не поймет, что значит,
Зачем такой лоскут.
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А каждый раздет, разут»

Может быть, и не точно привожу эти строки, но я дал слово-справок не наводить, писать-что и как помню.

Раз написал лозунг к Октябрьским праздникам. Провисел он до мая. Снял его, чтобы выстирать и на этом же кумаче написать новый... и обмер. Тем такое написано, что меня бы поставили к стенке, если бы кто-то удосужился прочитав: вместо «Ленинград» значилось «Ленинград». Видимо, никто за шесть месяцев это не прочитал, не обратили внимания.

В студии ИЗОРАМ (студия рабочей молодежи) рисовал портреты вождей и знатных людей. Тут тоже разные истории бывали. Как-то рисовал я портрет вождя революции на броневике (5 на 6 м, для украшения фасада). Пришли работу принимать, всем понравилось, но кто-то заметил: одна кепка у вождя в руке, а вторая на голове. Потом я где-то читал, что подобные случаи бывали.

Навыки эти теперь мне очень пригодились: к своим книгам и статьям рисунки сам делаю.

На последних курсах работал лаборантом. Освоил стеклодувное дело, своими руками первую научную работу опубликовал. А все потому, что стипендию не получал, жить на что-то надо было. Может, платить стипендию вообще не надо? Один вред от нее. Тут есть, о чем подумать.

Заветы почтенного профессора

Сдавал я экзамены экстерном в педагогическом институте. Собрал нас как-то профессор Верховский (он читал курс методики химии). Вид у него таинственный:

– Закройте двери. Никого не пускайте и запомните на всю жизнь: учили вас разным наукам; почти все они от лукавого и вам не понадобятся. Чтобы стать хорошим педагогом, нужны всего лишь три условия:

– ЗНАТЬ СВОЙ ПРЕДМЕТ

– НЕ СЧИТАТЬ УЧЕНИКОВ ЗА ДУРАКОВ

– РОДИТЬСЯ ПЕДАГОГОМ

Если первые два есть, то никаких методик вам не надо. Надо только родиться педагогом. Если нет последнего, только тогда нужны всякие методики.

Не знаю, стал ли я хорошим педагогом. Об этом не мне судить, а вот заветы старого профессора запомнил на всю жизнь.

МЫ - ИНЖЕНЕРЫ

Фуражка с кокардой

В 1935 году получили мы дипломы инженеров-технологов общественного питания. Словосочетания для той поры неслыханное: инженер и питание... Однако главное- инженер, а остальное - не существительное, а прилагательное.

Приехал я домой. Радости бабушки не было конца. Говорила: были у нас в роду купцы, агрономы, врачи, священники, а вот инженеров еще не было, это люди нужные. Надела она праздничное платье и отправилась по родным и знакомым с радостной вестью. Вернулась с добытой где-то инженерной фуражкой, завернутой в чистую тряпочку: как же, инженер и без фуражки!

Грамоты бабушка Козина не знала, но была очень мудрой. Понимала, что есть всемирное братство творцов, строителей, т.е. людей, от других отличных, и положено им носить фуражку с кокардой. Фуражка инженера-символ его глубоких эзаний, особой профессиональном чести, независимо от специальности. Строитель, путеец, гражданский, или горный инженер - значения не имеет. Прежде всего, ты - инженер, а значит, кроме узко специальных знаний, владеешь общими для всех людей, носящих фуражку с техническим значком. Не заменят ее никакие ромбики. В этом глубокий смысл: не может быть инженера, не владеющего всем комплексом знаний.

К сожалению, сегодня люди, стоящие у власти, не понимают того, что понимала моя бабушка. Одному

приходит в голову, что для будущей специальности на надо изучать теоретическую механику; другой уверяет, что будущему киноинженеру незачем изучать теоретическую механику; другой уверяет, что будущему киноинженеру незачем изучать сопротивление материалов и.т.д.

Нет, нужна инженерная фуражка, общая для всех, и помнить об этом надо.

Русский инженер

Поезд из Москвы подходит к Петербургу. Бывалые пассажиры не спешат одеваться, пока за окном не промелькнут массивные фермы Американского моста. Ширина Обводного канала-всего несколько метров, а фермы у моста массивнее, чем у моста через Волгу. Экскурсантам показывают металлический павильон в Измайловском садике и купол бывшего Народного дома, с особой гордостью говоря: "Строил сам Эцфель".

Конечно, иностранные инженеры, работавшие в России, заметного следа в истории техники у нас не оставили. Слава же русских инженеров гремела на всех континентах. Американская авиация неразрывно связана с именем русского летчика и инженера Сикорского; телевидение - с именем Зворыкина; в строительство Тихоокеанской железной дороги внесли свою лепту выпускники Петербургского Путейского института; я учился по учебнику профессора Тимошенко "Сопротивление материалов", переведенному с английского (!).

Остановитесь перед зданиями Горного или Технологического институтов, прочитайте мемориальные доски

на фасадах. Это слава нашей науки. Инженер с дипломом иностранного института в России приравнивался к технику, а русскому инженеру все двери в мире были открыты. Значит, неплохая была система обучения. Так зачем ее в корне ломать?

Отставной генерал у А.Н.Островского в трактате "О вреде всяческих реформ вообще" писал: "Я не против реформ, против только необдуманных".

"Спросил я раз сороконожку:
Какой ты первой ходишь ножкой?"
Задумалась сороконожка
И не смогла подвинуть ножку.
Вот так и ты - там, где не надо,
Не мудри"

Полвека связан я с подготовкой инженерных кадров, и это дает мне право судить о том, что хорошо и что плохо в системе высшего образования в нашей стране. Жизнь не стоит на месте. Развиваются наука и техника. Вносить изменения в подготовку инженеров надо, но ломать и разрушать хорошие, веками складывавшиеся традиции вряд ли следует.

Идея готовить в институтах руководителей мне кажется бредовой. Руководителем может быть не всякий. Для этого требуются особый талант, опыт, характер и гражданская зрелость. Попробуйте без этих качеств сделать из человека менеджера (Боже, какие слова придумали, и зачем?!). Он никогда руководителем не станет. Надо дать будущему специалисту хорошую подготовку,

знания, а остальное зависит от него. Научить человека быть руководителем нельзя.

В нашем выпуске было около 50 человек. Никто из отрасли не ушел, но судьбы у всех сложились по-разному. Ира Рогожина осталась до конца своих дней лаборантом (хорошим, честным), и слава ей за это; Фельдман стал зам. Министра промышленности, и это неплохо; Меллер - крупный инженер в витаминной промышленности; многие стали инженерами-технологами трестов, и от их работы зависели жизнь и здоровье людей. Кто-то работал у кульманов в проектных организациях, а их товарищи нашли свое призвание на производстве в столовых и ресторанах.

Так разве нужно (и можно ли) готовить отдельно специалистов на случаи жизни? Должна быть хорошая инженерная подготовка. Остальное приложится.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ УЧИТЕЛЕ.....	3
История одной записи.....	14
История моих бабушек.....	15
Собака без имени.....	16
Девочки в классе.....	17
О пользе и вреде химии.....	18
Как я избавился от скверной привычки.....	19
Лобода.....	20
Курица не птица.....	21
Абитуриенты.....	22
Самый счастливый человек.....	25
У истоков радиосвязи.....	27
Оглашенные.....	30
Страницы истории одной русской семьи.....	32
Моя родословная.....	36
Семейная легенда.....	37
Георгиевский кавалер.....	38
Две ветви.....	39
Унесенные ветром.....	40
Диссидент.....	43
В богарии.....	45
Плоды раздумий.....	47
Дочь бабушки Пелагеи.....	49
Самострел.....	52
Мой дядя Сережа.....	56
Все гениальное просто.....	57

Татьянин день.....	59
Семейственность.....	61
Встреча со сталиным.....	63
Подарок Сталина.....	66
Жареная говядина.....	67
Блестящее созвездие.....	69
История сентиментального немца, рассказанная им самим.....	71
Как поступали в институт.....	73
Студенческие годы.....	76
Племянник Микояна.....	76
Профессор Меркулов.....	78
Всякая наука на пользу.....	79
Заветы почтенного профессора.....	81
Мы - инженеры.....	82
Фуражка с кокардой.....	82
Русский инженер.....	83

Н.И.КОВАЛЕВ

БИЛЕТ В ДЕТСТВО

(Записки очень мудрого человека)

Тех. редактор: Эльнур АХМЕДОВ
Худ. редактор: Фахри ВЕЛИЕВ
Верстальщик: Седагет Керимова

Сдано в набор: 28.08.2015.
Подписано к печати: 27.10.2015.
Формат: 60х90 1/16.
Физ.печ.лист: 8,5
Заказ: 124/15. Тираж: 500 экз.
Цена договорная.

NURLAR

Издательско-Полиграфический Центр

Баку, Az1122, пр. Зардаби 78 / Тел: 4977021
Faks: 4971295 / E-mail: office@nurprint.com